

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть наука *этимология* — это раздел языкоznания, занимающийся историей слов. Есть наука *энтомология* — о жизни насекомых: жуков и бабочек. Науки «энтимологии» нет; это название придумали четверо бесшабашных студентов, сочиняя на потеху читателям свой шутейный словарь — список самых что ни на есть нормальных, обычных слов, но с заведомо неправильными, завиральными толкованиями. Если кого-то интересуют подробности этой истории, можно заглянуть в Послесловие.

Но человек, пытающийся ввести в язык новое слово или хотя бы новое значение старого слова, берет на себя огромную ответственность. Ведь он для всех говорящих на данном языке собирается в чем-то изменить языковую картину мира, принятый в обществе способ отражения действительности.

Об этом хорошо сказал наш современник Андрей Битов в одной из своих статей: «Пробиться в словарь — чрезвычайная честь, головокружительная карьера для нового понятия: словарь ревниво охраняет численность своего поголовья». Это хорошо понимают писатели. *Евгений Онегин* и *Пиковая дама*, *Ноздрев* и *Акакий Акакьевич*, заячий тулупчик и шинель стали **особыми** словами после творчества Пушкина и Гоголя. Да и сами имена *Пушкин* и *Гоголь* обогатили собой сокровищницу русского языка: до их творчества это были мало кому известные фамилии, а теперь они стали **словами**...

Уместно ли в этом ряду упоминать о каких-то «энтимологиях»? Уместно, потому что слово-уродец было придумано для явления, хорошо знакомого русскому народу. Тяга к словесной игре, к речевому балагурству заложена глубоко в народном сознании. Возьмите сборник «Пословицы и поговорки русского народа» Владимира Даля: каких только шуток, прибауток, рифмованных речений, народных афоризмов там не встретишь! *Не урод, так и красавец; Жена мужу пластырь, муж жене*

ПРЕДИСЛОВИЕ

пастырь; Такое сено, что хоть попа корми; Не для чего иного, как прочего другого; Петъка-петух на яйцах пропух (дразнилка); Метил в ворону, а попал в корову; Он тоже не левой ногой сморкается...

И ведь не Даль это все выдумал, а русский народ! Выразительность, образность внутренне присущи речевому общению. Вообще считать, что человек использует язык для того, чтобы выражать свои мысли, — это сильное упрощение. Мысли-то мыслями, но говорящему надо еще, чтобы это было красиво! И интересно! Коммуникативная функция языка неотделима от эстетической.

В своем стремлении освоить словесное богатство, подчинить себе все названия, в том числе новые для себя, человек идет и на некоторые ухищрения. Вспомним классическую сцену из «Поднятой целины» Шолохова: дед Щукарь изучает толковый словарь русского языка. Сами слова в книге напечатаны крупно, а их толкования — мелким шрифтом. Глаза же у деда слабые. Вот Щукарь и **додумывает**: что бы значило то или иное слово. У него получается, например, что *акварель* это «хорошая девка», а *бордюр* — «вовсе даже наоборот, гулящая баба» и т.д. Ситуация, конечно, уникальная и анекдотическая. Но можно подвести под нее и некоторую теоретическую платформу.

У Александра Левина, современного поэта (а по совместительству и автора компьютерных учебников), есть стихотворение «Орфей», начинающееся такими строками:

Здесь чичажник и мантульник,
лопушаник и чиграк,
волчий локоть, загогульник,
самоед и буерак...

Нагромождение непонятных слов на протяжении всего стихотворения не случайно. Оказывается, для автора это как раз

ПРЕДИСЛОВИЕ

повор ополчиться (в комментарии) на писателей, злоупотребляющих своими природоведческими (ботаническими, зоологическими) познаниями. Процитирую сей комментарий: «И вот начинает этот писатель сыпать названиями — всеми этими чичажниками и мантульниками, — а названия ну ровным счетом ничего не говорят ни уму ни сердцу читателя, не способного ясень отличить от вяза, а чистотел от болиголова. Проблема неразрешимая. Вот я и подумал, что названия для цветка, птицы, насекомого необязательно знать. Можно его придумать — лишь бы слово было похоже на то, что видишь».

Может быть, это — поэтический домысел? Да нет, художественная литература и в самом деле дает нам немало примеров того, как говорящий весьма вольно обращается со словом. Приведу несколько цитат.

В рассказе писательницы Тэффи «За стеной» одна дама так отзыается о благоухающем жилище другой: «К вам в комнату войдешь — как палкой по носу. И банки, и склянки, и флаконы, и одеколоны — настоящая обсерватория».

У М. Зощенко в рассказе «Нервные люди» инвалид Гаврилыч жалуется: ему «сейчас всю амбицию в кровь разбили. А ему, действительно, в эту минуту кто-то по морде съездил».

Персонаж повести В. Пьецуха «Потоп», парикмахер, привык складывать сдачу в жестяные банки. И далее — впечатления его любовницы: «Я сначала подумала, что, может быть, это такое сафари, и решила своего парикмахера испытать...»

В рассказе «Ничего особенного» В. Токаревой героиня признается, что любит своего мужа, хотя тот пьет. «Все остальные — амбалы рядом с ним». И на вопрос: «Амбал — это что?» — поясняет: «Не знаю. Сарай. Или плита бетонная...»

А в пьесе Ю. Полякова героиня говорит о своем муже: «Этот солидол мне надоел!»

Можно ли утверждать, что в приведенных цитатах слова обсерватория, амбиция, сафари, амбал, солидол значат то, что

они значат вообще в языке? Ничего подобного. На самом деле в языке «для всех» они имеют совершенно другие значения. Но, оказывается, человек считает себя вправе иногда **придавать** слову тот смысл, который ему кажется удобным, подходящим для данного момента. Конечно, эта свобода — ограниченная. Если бы индивидуум придумывал для всех слов какие-то особые значения, его никто бы не смог понять. Замечательный русский языковед А.М. Пешковский писал так: «Мы не можем выдумывать своих звуков, своих слов, своих значений, потому что все это значило бы выдумывать свой язык, на котором ни с кем нельзя было бы объясняться» («Русский синтаксис в научном освещении»).

Причем обратим внимание: все эти *амбиция*, *сафари*, *солидол* и т.п., скажем так, — не самые частые слова, не самые употребительные в нашей речи. Большинству людей они, скорее, знакомы по внешней оболочке, чем привычны по значению. Для таких случаев придуман даже специальный термин: *агнонимы*. Агнонимы — слова, знакомые понаслышке, приблизительно, «в общих чертах». Тогда, может быть, все дело в недостаточной образованности носителей языка? Так думают многие. Обычный человек не может помнить все грамматические правила, не может знать значений всех слов.

В романе «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова выведен такой поэт-халтурщик по имени Никифор Ляпис. У него в стихах *пеньюар* — это «балльное платье», волны «падают стремительным домкратом», а жокей «садится на облучок»... Не такая ли свобода именования привлекает поэта? Во всяком случае, у авторов-сатириков повествование в этом месте приобретает явно саркастическую окраску.

Но, положа руку на сердце, спросим себя: а так ли уж хорошо мы сегодня знаем, что такое *пеньюар* или *облучок*? Вот дети в нынешней школе чуть ли не поголовно убеждены, что название *спартакиада* происходит от слова *спорт* (и так и пишут:

ПРЕДИСЛОВИЕ

«спортакиада»), а *ямычик* в их представлении — это тот, кто роет ямы... Ленинградский писатель В. Шефнер в автобиографической повести «Имя для птицы...» вспоминает свои детские впечатления от следующего стихотворения:

И занимают бивуаки
Доныне мирные поля,
И, как от бешеной собаки,
От вас избавится земля!

И далее — цитата: «Что такое “бивуаки”, я не знал, но я представил себе, что это такие рослые, отборные солдаты в какой-то особой, строгой форме. Они отовсюду выходят на поля...»

Ну шестилетнему мальчику это простительно. А если бы речь шла о взрослом человеке — вправе ли он давать волю своей фантазии там, где нужно просто заглянуть в толковый словарь? Значит, ни о какой игре, ни о какой свободе выбора тут не может быть и речи! Вывод напрашивается один: надо учиться, справляться в словарях о значениях слов, запоминать правила и орфограммы, повышать свой образовательный уровень!

Это все верно. То, что кругозор современного человека ограничивается рамками его специализации, прискорбно. И уровень языковой образованности (пусть — грамотности) общества оставляет желать лучшего. С этим тоже трудно спорить. Но перед нами только одна сторона проблемы. Вторая же сторона кроется в отношении человека к языку. Формируя свой психологический мир, очерчивая свое жизненное пространство, индивидуум готов использовать для этого любые средства. Он может вставить серьгу в ухо или сделать на руке татуировку в виде китайского иероглифа, а может постараться прослыть фантазером, сердцеедом, суперменом... Но так велик соблазн почувствовать себя личностью, властелином, творцом! Я не умею рисовать?

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ну так подрисую усы Крылову в школьной хрестоматии. Я не силен в науках? Зато любого знатока могу сбить с толку неожиданными вопросами (есть на эту тему прекрасный рассказ Василия Шукшина «Срезал»). Мне слон на ухо наступил? А на вечеринке под караоке спою, да еще как! На этом зиждется феномен массовой культуры — на представлении: «Я не хуже других, и мне все доступно!»

Лингвиста же человек интересует как носитель языка. И в языке открывается такой простор для фантазии, для игры, для самодеятельного творчества, какой вряд ли где еще возможен. А в качестве первой и наиболее общей предпосылки для этого творчества выступает несовершенство самого языка. Всегда находились люди, которые замечали те или иные лакуны (пропуски) в словарном составе и желали их восполнить новообразованиями, а те или иные нелогичности — устраниТЬ, исправить. В последние десятилетия к ряду таких радетелей примкнули знаменитый писатель А. Солженицын с его «Русским словарем языкового расширения» и называющий себя «лингвоинженером» М. Эпштейн с проектом «Дар слова». Лично я не очень верю, что получат права литературного гражданства лексемы вроде предлагаемых Солженицыным *гориголова* ‘торопыга’, *дряпня* ‘мокропогодица зимой’, *ластушка* (приветливое обращение), *лупастый* ‘с глазами навыкате’, *перегрызуха* ‘перебранка’, *сноброд* ‘лунатик’ и т.п. Точно так же и новообразования, предлагаемые в проекте «Дар слова» — *лжизнь*, *любля*, *вездевочка*, *осебейщик*, *солночь*, *счастница*, — вряд ли выйдут за пределы авторских экспериментов. Но важно другое — мы видим, что общество не оставляет язык без внимания и не прекращает романтические (или утопические?) попытки целенаправленно на него воздействовать.

У языкового творчества есть и объективные предпосылки более частного характера. Например, такая: сколько слов знает, слышит, читает, употребляет за свою жизнь человек? Понятно,

ПРЕДИСЛОВИЕ

что много: тысячи. А ведь в процессе речи он должен не только за малые доли секунды выбрать нужное слово, убедиться в его пригодности, но и связать его в уме с другими словами, которые в целом составят конкретную фразу. Все это было бы невозможно, если бы словарный запас не образовывал систему: каждое слово в нем связано многочисленными и многообразными связями с другими словами. Это как паутина: тронь ее в одном месте — и подрагивание волной пробежит по тончайшим нитям к другим узлам... Скажем, такие слова, как *рукав*, *рукоять*, *ручной*, *ручка*, *вручить*, *выручить*, *выручка*, *заручиться*, *поруки*, *поручительство*, *поручни*, *наручники* и многие другие (может быть, и *поручик*?), объединяются в «гнездо» с корнем *рук-*. А *ткать*, *ткань*, *выткать*, *сотканный*, *ткачество*, *ткачиха* и т.д. объединяются идеей «ткачества», также поддерживаемой формальными — звуковыми и буквенными — соответствиями (добавлю, что исторически этот корень — тот же, что и в глаголе *тыкать*, и к нему же, что уж совсем неожиданно, восходит слово *текст*!). Благодаря подобным связям человек легче ориентируется в огромной массе слов.

Ну а если вдруг в речевом обиходе появляется какое-то название, лишенное таких связей? Возникает естественный соблазн привязать «бездонное» слово к другой, уже освоенной единице. Нередко при этом приходится идти на какие-то жертвы — например, слегка «подправлять» слово.

Нагляднее всего это проявляется в речи маленьких детей. Ребенок каждый день сталкивается с десятками названий, которых он раньше никогда не слышал. Что такое *молоток*? Непонятно. Но ведь им *колотят*. Значит — *колоток!* Что такое *вазелин*? Неясно, но ведь им *мажут*. Значит — *мазелин!* Кто такой *милиционер*? Он ведь стоит *на улице*. Значит — *уличионер!* Почему говорят *экскаватор*? Надо — *пескаватор*, он же песок роет! Или девочка распутала клубок ниток и говорит: «Я такая распутница!» (пример из книги К. Чуковского «От двух до пяти»).

ПРЕДИСЛОВИЕ

По мере взросления такие ошибочные толкования (их называют «детской этимологией») уходят в прошлое, и человек начинает понимать, что бывают слова с кучей «родственников», а бывают слова одинокие, «сироты», с другими словами не связанные.

Однако иногда эта «детская болезнь» проявляется и в зрелом возрасте. Человек, сталкиваясь с незнакомым словом (чаще всего — заимствованным из другого языка), пытается его осмыслить по собственному разумению, в меру своих познаний. И тогда возникает то, что лингвисты называют **народной** (или ложной) **этимологией**. Возьмем хотя бы названия одежды. *Пулlover* (от англ. pull over ‘тянуть вверх’) в речи кое-кого превращается в «полувер» (неясно, правда, причем тут «вер» — как в *маловер*, что ли? Но все равно стало роднее). *Пиджак* (от англ. pea-jacket ‘куртка, бушлат’) превращается в «спинжак»: родство со спиной все объясняет. *Штурмовка* превращается в «штурмовку», *кроссовки* — в «красовки» (красивые они, ну что тут поделаешь!). Немудрено, что слова при этом могутискажаться, подгоняться под желаемый образец...

Вот как писал о подобных случаях известный французский лингвист Жозеф Вандриес в книге «Язык»: «Сознание стремится установить связи во внешней форме слов, часто даже вопреки здравому смыслу. Слабое звуковое сходство данного слова с употребительным и более известным словом ведет за собою сближение, результатом которого являются странные искажения слов».

Многие филологи относятся к феномену народной этимологии высокомерно и даже презрительно — это, мол, всё от невежества, от малограмотности. Но, напомним, перед нами не намеренное «надругательство над словами», но результат стремления упрочить лексическую систему, а это вполне достойно уважения. И потом, хотим мы того или нет, но ложноэтимологические сближения — чрезвычайно распространены. Можно сказать, что они вездесущи. За обычной птичкой воробьем мы готовы признать в качестве отличительного признака его вороватость (хотя

ПРЕДИСЛОВИЕ

на самом деле название *воробей* ни в каком родстве с *воровать* не состоит). Про медведя *гризли* мы почти ничего не знаем, но в том, что он что-то *грызет*, мы уверены. О художнике, произведения которого нам не нравятся, мы скажем иронически: «Художник от слова *худо*». Если кто-то к кому-то неравнодушен, о нем в народе говорят: «неровно дышит». Журналисты любят обыгрывать связь между словами *кормило* и *кормить*: получается, что *кормило* (то есть руководство, правление) — *кормит!* А выражение *пойти наスマрку* подсознательно связывается у нас с представлением о насморке, болезни...

Особенно активно используются созвучия слов в поэтических текстах. Вот как писал Валерий Брюсов:

Созвучья слова не случайны!
Пусть связь речений далека,
В ней неразгаданные тайны
Всегда живого языка...

Поэзия вообще в значительной степени строится на звуковых перекличках — ассонансах, аллитерациях, рифме и т.д. Мы с детства помним: «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (инструментовка на *у*) или «Где он, бронзы звон или гранита грань...» (переклички *нз* — *зн*, *гр* — *гр*). Словесные созвучия достигают своего максимума в так называемой каламбурной рифме; пусть примером послужит цитата из того же В.Я. Брюсова:

Ты белых лебедей кормила,
Откинув тяжесть черных кос.
Я рядом плыл, сошлись кормила.
Закатный луч был странно кос.

Понятно: благодаря таким приемам стихи лучше запоминаются, их внутренняя организация приобретает дополнительную

глубину, а как результат — они сильнее воздействуют на нашу нервную систему.

Вообще игра со словом издавна была в традициях русской литературы, начиная от Н.С. Лескова и А.П. Чехова и кончая С. Довлатовым и Л. Петрушевской (не буду говорить о новейших авторах). Поиск дополнительных связей между словами, испытание слова «на прочность», проверка реакции собеседника (и читателя) — все это обогащает творческую палитру писателя. Так, М. Горький время от времени вкладывает в уста своих персонажей попытки народной этимологии. Вот, например, хозяин noctожеки Костылев размышляет:

— Что такое странник? — Странный человек... непохожий на других... («На дне»).

А дворник Тихон в повести «Дело Артамоновых» философствует:

— Скука — от людей; скучатся они в кучу, и начинается скука.

Конечно, что обе связи — и связь *странник* — *странный*, и *скука* — *скучиться* — навеяны случайным формальным сходством слов, и образованный человек на них бы «не повелся». Но для писателя это — возможность дополнительно охарактеризовать своего героя.

Не упускает своего и торговая реклама. Приведу несколько свежих примеров. Гипермаркет называется «ГИППО», а если кто-то не сразу включился, то рядом помещено изображение гиппопотама (звуковая перекличка *гипермаркет* — *гиппопотам*). Московская фирма, торгующая чаем и кофе, взяла себе в словесные патроны знаменитого композитора: фирма называется «Чайкофский» (перекличка: *чай, кофе* — *Чайковский*). «Выиграй тур в Турцию!» — предлагает плакат туристической фирмы (*тур* — *Турция*). «Поедем поедим!» — взвывает слоган сети «Макдоналдс». «Самый сумчатый магазин» — это реклама магазина сумок «Кенгуру» (*сумка* — *сумчатый*). «Сильный

пол» — так выглядит название салона напольных покрытий (представление о прочном паркете или ламинате накладываетя на фразеологическое сочетание *сильный пол* — о мужчинах). А магазин, в котором продаются инструменты и строительные материалы, остроумно назвали «Переделкино» (вообще-то *Переделкино* — название знаменитого поселка под Москвой, в котором жили писатели). Понятно: во всех этих и подобных случаях в одном контексте сталкиваются разные слова, похожие по своему звучанию, — и это создает особый эстетический эффект.

Похожие слова регулярно смешиваются и в шутках и анекдотах. Так, нередко обыгрывается формальное сходство между названиями *ветеран* и *ветеринар*, *аксакал* и *саксаул*, *героин* и *героиня*, *полиглот* и *троглодит* и т.п. Приведу только один пример.

Две соседки встречаются у подъезда. Одна из них зовет к себе в гости другую. Та интересуется:

— А твой сифилитик дома?

— Во-первых, он в клуб ушел. А во-вторых, сколько раз тебе говорить: не сифилитик, а филателист!

Популярны в народе шутки, основанные на сложении, объединении слов. Когда-то Льюис Кэрролл, автор знаменитой «Алисы в стране чудес», назвал такие образования словами-чемоданами (они как бы раскладываются на две части). Примеры типа *бутылброд*, *прихватизация*, *дерымократы*, *думаки* уже получили широкую известность; гибриды вроде *абсурдолевород*, *грудолюбивый*, *стеклопаскуда*, *порнокопытные*, *нагло-русский словарь*, *рахитетурный ансамбль*, *колесо оборзения* и т.п. кощуют по юмористическим страницам газет и журналов. Я уж не говорю о других видах популярных языковых забав — шарадах и анаграммах, игре в «испорченный телефон» или в «Почему не говорят?» и т.д. — все это своего рода отдушины для речевого творчества носителя языка.

А вот о чём следовало бы сказать особо — это о жаргонных наименованиях. Очень многие жаргонные слова — переиначенные «чужие» названия, основанные опять-таки на формальном сходстве. Скажем, в школьном сленге *удочка* — это ‘оценка «удовлетворительно»’, *шпора* — ‘шпаргалка’, *песика* — ‘учительница пения’, *контрабанда* — ‘контрольная’ и т.д. Широко известны такие жаргонизмы, как *фанера* ‘фонограмма’, *шампунь* ‘шампанское’, *совок* ‘Советский Союз’ или ‘советский гражданин’, *сухарь* ‘сухое вино’, *мерин* ‘мерседес’, *лимон* ‘миллион’, *устаканиться* ‘устояться, установиться’ и т.п. Можно заметить, что жаргонизм, как правило, короче, лаконичнее своего «правильного» соответствия, но главное не в этом, а в том, что менее известное, менее привычное явление как бы зашифровывается через более близкое, свое, «домашнее». Особенно наглядно это проявляется на материале компьютерного жаргона, в котором английские термины «переодеваются» в родную русскую одежду: *shareware* ‘программное обеспечение’ становится *шароварами*, *device* ‘устройство’ — *девицей*, *plotter* ‘графопостроитель’ — *полотером*, *sources* ‘источники, исходные коды’ — *сырцами*, *button* ‘кнопка, клавиша’ — *батоном*, *Pentium* — *пентюхом*, *e-mail* — *мылом* и т.д.

Даже кроссворд, жанр довольно строгий по своим правилам, в последнее время подвергся «нашествию» языковой игры. Наряду со строгими «терминологическими» описаниями значений появились толкования замаскированные, шутливые, приблизительные (на что часто указывает употребление кавычек). Скажем, в «Комсомольской правде» регулярно публикуются кроссворды от Олега Васильева, в которых встречаются, в частности, такие толкования: «выдвиженец» из комода (ответ — *ящик*), морская «неустойка» (ответ — *качка*), «проходная» на болоте (ответ — *гать*), ресторанный «чаевник» (ответ — *официант*), конфетные «разносолы» (ответ — *ассорти*) и т.п. Понятно, что слова *выдвиженец*, *неустойка*, *проходная*, *чаевник*, *разносолы*

ПРЕДИСЛОВИЕ

использованы здесь скорее как намеки, как отсылки к другим, однокоренным или просто похожим, словам: *выдвигать, неустойчивый, проход, чаевые, разный*.

В чем же корни этого торжества формальных связей, этой эпидемии языковой игры, которую мы сегодня наблюдаем вокруг нас? По-видимому, объективные предпосылки ее заложены в самой природе языка. Можно сказать, что человек подсознательно «идеализирует» язык, относится к нему лучше, чем тот на самом деле устроен. Ему, человеку, хотелось бы, чтобы за одной формой всегда скрывалось одно и то же значение. А язык устроен намного сложнее, если угодно — «неправильнее». Здесь сплошь и рядом за одной и той же формой кроется разное содержание, а одно и то же значение, наоборот, выражается разными формальными средствами. Вот это и создает основания для многообразной языковой игры. Игра же, по словам голландского ученого Й. Хейзинги, «творит порядок, она есть порядок». Словесная шутка в чем-то «выправляет», выпрямляет языковую реальность. И степень речевой раскованности говорящего, его свободы по отношению к именам предметов о многом говорит!

Вообще в последнее время люди стали относиться к игре с большей серьезностью. Может быть, сыграло свою роль метафорическое распространение слова *игра*: играют теперь и на бирже (ворочая миллионами) и в офисе (участвуя в деловых играх)... А может быть, изменилось само понимание данного феномена. Недаром такую популярность получили книги американского психотерапевта Эрика Берна; в русском переводе они называются «Игры, в которые играют люди» и «Люди, которые играют в игры».

Философы, психологи, культурологи утверждают: игра вообще и языковая игра в частности — извечное и неотъемлемое свойство человека как такового. Только излюбленные приемы словесных шуток у разных народов и в разные времена могли

быть разные. В частности, Данута Буттлер, автор книги «*Polski dowcip językowy*» («Польский языковой юмор»), вышедшей первым изданием в 1968 году, замечала, что шутки, основанные на переосмыслении слова, уже исчерпали себя и выходят из употребления; чисто формальные ассоциации между словами раздражают своей примитивностью. Она, конечно, имела в виду польский язык.

А как обстоит дело у нас в русском языке? Интерес в этом плане представляет российская послеперестроечная действительность. С одной стороны, мы наблюдаем здесь непривычную для нас ранее степень речевой раскованности. Когда это в печатных изданиях, в художественной литературе, в рекламе допускалась такая масса каламбуров, намеков, сознательных сближений и искажений слов! С другой стороны, снятие цензурных запретов обнаружило и то, что у многих журналистов и общественных деятелей не хватает вкуса, а то и просто отсутствуют навыки грамотной речи. Даже у известных политиков вырываются высказывания, которые попадают в собрания крылатых выражений не в силу своей «мудрости», а в силу нелогичности. Примерами могут служить: «Хотели как лучше, а получилось как всегда» или «Мой пapa юрист, а мама — русская».

Но одновременно это подогревает интерес к языку как средству массовой информации. На телевидении и радио активизировались передачи, нацеленные на повышение культуры речи. Журналы реанимировали рубрики «Нарочно не придумаешь» и «Что написано пером...». Проводятся — и у нас в стране, и за рубежом — специальные конференции, посвященные «неканоническому» использованию языка. Появились первые монографии, посвященные языковой игре в русском языке. Назову здесь только несколько книг: Санников В.З. *Русский язык в зеркале языковой игры* (М., 2002), Норман Б.Ю. *Игра на гранях языка* (М., 2006), Ильясова С.В., Амири Л.П. *Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы* (М., 2009), Гриди-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru